

ЗВЕЗДЫ-72

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ С Ц Е Н Ы

НАЧАЛО было лучезарным. Известность пришла еще в школе. Первая ученица выпускного класса Московского хореографического училища танцевала на маленькой, тесной сцене, а смотреть ее приходили прославленные мастера Большого театра. Однажды в зале сидела почетная гостья Москвы — бельгийская королева, и кинохроникеры стрекотали своими камерами. Эти кадры потом демонстрировались в документальных журналах и фильмах. Новая звезда входила на сцену звонко.

Еще не окончившей школу Екатерине Максимовой предложили исполнить одну из главных партий в новом балете Большого театра «Каменный цветок». А вскоре участие в гастрольной поездке Большого театра по городам США и шумная, восторженная пресса, слова восхищения мастерством, красотой и обаянием юной танцовщицы. Обласкана судьбой и чуть избалована успехом, удачей — так сегодня представляется сквозь дымку лет юная Катя Максимова.

Поздно вечером к телефону подошла, очевидно, мама:

— Ее нет дома. Не знаю, когда вернется. Вчера пришла после одиннадцати, сегодня, наверное, еще позже. Нет, утром вы ее не застанете, утром — классы. Сегодня у нее, кажется, съемка. Звоните...

Я дозвонилась в первом часу ночи.

— Понятия не имею, как нам с вами встретиться. С шести вечера я буду во Дворце съездов — попробуйте поймать меня там. Будем репетировать концерт, может быть, удастся поговорить в перерыве. Нет, послезавтра будет то же самое. Ничего не могу обещать.

Они репетировали уже два с половиной часа, когда я пришла за кулисы. В полутьме толкалось много людей. Все это были участники концерта, которые ждали своей очереди на репетицию. Балерины в розовых пачках, легко и изящно, словно по воздуху, проплыв со сцены ко мне, вдруг начинали тяжело дышать, а пачки их оказались колочие. В центре зала Катя Максимова и Владимир Васильев двадцатый раз повторяли одно и то же движение. Из пустого зала, усиленный микрофоном, гремел голос:

— Ближе к середине! Руки! Руки должны говорить! Еще раз!

Катя опять взмывала вверх, а мне вместо «как это легко, как изящно!» упорно лезло в голову: слава богу, что она такая маленькая, ведь это тяжело — столько раз поднимать ее, и держать на вытянутых руках, и делать плавный поворот, и улыбаться.

Когда-то (это было недавно и очень давно) хореограф Касьян Голейзовский поставил для нее танец — «Мазурку» Скрибина. В статье, которую я цитировала вначале, журнал «Театр» писал об этом:

«И вот вышла на сцену маленькая танцовщица. Ей восемнадцать, ей танцевать весь бал, она начинает с мазурки. Легкая, разлетающаяся туника лишь намечает контур балльного туалета. Танцовщица слегка отбрасывает это газовое облако назад, принимая исходную позу. Бал незримо присутствует, сотня глаз следя за ней. Ее танец кокетлив и игрив, прихотлив и виртуозен. Романтичен. Но главное — освещен счастьем. Счастливая девушка танцует его в счастливый миг своей жизни. У нее в этом танце нет партнера, но есть зрители, те влюбленные на балу, где она царит».

Маленькая женщина, которая подошла ко мне в перерыве, не была похожа на царя балу. И меньше всего казалась счастливой. Это был просто очень усталый человек.

— Вспомнить что-нибудь смешное? Не могу. Ничего не приходит в голову. Самое главное в том году? Вот, наградили орденом Трудового Красного Знамени. Дали премию Ленинского комсомола. Самое приятное? Когда мы были на гастролях во Франции, нас возили по Луаре. Показывали старые замки. Очень красиво.

— Но вы же были еще на гастролях в Ницце, в Милане, в Голландии. В этих местах, кажется, первый раз? Наверное, посмотреть все это тоже было приятно и интересно?

— Посмотреть? Вы знаете, что такое гастроль? С самолета на сцену — со сцены на самолет. Разве я в состоянии что-нибудь рассмотреть?

Я думала, что на вопрос: «Чего бы вы хотели больше всего?» — она ответит: «Отдохнуть». Я бы поняла ее. Но она ответила:

— Выступить с новой партией. Это не значит, что мне надоели старые. Я не хочу, чтобы из моей жизни ушли «Каменный цветок», «Спящая красавица», «Жизель». И в старых партиях с годами появляется что-то новое. «Жизель», например, я начинала совсем девочкой, а теперь повзрослела, изменилась — это не может не сказаться на роли, я чувствую ее иначе. Но очень хочется новой партии.

«В танце беззаботной, ликующей юности Максимова, пожалуй, сказала о себе все сполна. Но в ней живет еще полностью не излитый, не спетый танцевальный мотив юности беспокойной, мятежной. В ней затаился и ждет своей минуты танец, о котором Блок сказал: «звенит и плачет»...»

Будем ждать этой минуты и мы, которые сидим в зале.
«Екатерина Максимова утонченно женственна, у нее удивительно гармоничные и красивые пропорции тела; в ее больших глазах — то лукавство и радость, как у Наташи Ростовской, когда она пляшет в доме дядюшки, то недетская печаль, как у Снегурочки Рериха. А в линиях тела танцовщицы, в сценической жизни ее танца — «цвет яблони и золото весны», — так описал балерину журнал.

Рабочий день тогда кончился у нее удивительно рано — всего лишь в девять вечера. Мы медленно брели к метро — мне как будто передалась ее усталость. Боюсь, мне теперь труднее будет воспринимать «цвет яблони и золото весны» — я видела, как дорого это стоит.

И. ПРУСС.

